

РОЛЬ ДЛЯ ЧАСОВ С БОЕМ

Сначала пришли стражники — за алебардами, потом вернулись слуги за румяными окороками и колбасами. Стражники были в джинсах и олимпийках и улыбались совсем несерьезно. Августа Васильевна Власова грозное оружие взяла в руки привычно и легко: «Пожалуйста, осторожно...»

Шел прогон «Укрощения строптивой», на сцене, будничной, дневной, ходили, декламировали, смеялись еще на шекспировских героях — актеры. Дверь в реквизиторский цех не закрывали: на столе выстраивались роскошные блюда с придуманной поролоновой снедью, легкие хрустальные кубки, обернутые блестящей жестью, бумажно шелестящие букеты. Зрительный зал из-за кулис казался нежилым, далеким.

И здесь, в цехе, притворившиеся реквизитом вещи тоже ждали спектакля. Станут быстрыми и злыми в ловких руках почти игрушечные шпаги с металлической точкой на конце — техника безопасности, и настоящей позолотой будут светиться гипсовые канделябры, и вдруг заговорит старинный телефон без провода и диска. После третьего звонка, когда поднимется занавес, вещи тоже сыграют положенную по пьесе роль.

Оттуда, из зала, не отличить изготовленную театральными бутаферами подделку от старательно свидетельствующего о своем времени подлинника. Вещи просто живут. А здесь и обтянутый черным шелком цилиндр, и бронзовые часы с нарисованными на циферблате стрелками, и анатомический муляж на подставке называют одинаково — реквизит.

И цилиндр, и часы, и большой клубок с начатым вязаньем — соседи. «Работают» в одной постановке — «Пигмалионе». Все разложено по полочкам: грубые солдатские вещмешки и пузатый самовар — это «В четырех километрах от войны», задумчивая плюшевая мартишка, птичья клетка — «Верните сказку», высокая стопка тарелок и гора ножей и вилок с тяжелыми ручками — «Наследство».

А на последних полках, без ярлыков, целая коллекция коробок и коробочек сигаретных, папиросных, конфетных, удостоверение на все случаи жизни, пачки не принятых в обращение денег... Только купюры — чуть тронутая акварелью бумага.

А старинный поднос с разрисованной фарфоровой доской в театре только реставрировали. Красивую вещьцу принесла старушка, когда Новокузнецкий драматический готовил «Стакан воды». И эти старомодные тяжелые телефонные аппараты сыграли не одну роль. И темной бронзы подсвечники с кокатливыми завитушками. Это — настоящее, не придуманное. Наверное, без них не поверить в бутафорию.

А рядом с огромным поролоновым тортом в «Горячем мороженом» будут самые настоящие пирожные. А в конфетных коробках в «Пигмалионе» — вполне съедобный шоколад. А перед началом «Наследства» реквизиторам надо успеть нарезать хлеб, сыр и колбасу. Правда, картонно-гипсовые бутерброды в другой пьесе будут смотреться, наверно, так же аппетитно.

Августа Васильевна даже удивилась: «Казусы? Что вы, это профессиональная ошибка. Нет, за тридцать лет не было. Не помню». А чтобы не ошибаться, нужно быть не просто внимательным — педантичным. В специальной выписке, которую помощник режиссера вручает, когда начинаются репетиции, дотошно перечислено все: гипсовая голова, пишущая машинка, пепельница, три сигареты, спички, тряпка... Это для первой картины «Жуки из Будапешта» в графе «На сцене», в другой колонке — реквизит, который должен быть наготове за кулисами, в третьей — у актеров.

Списки подшиты в обыкновенную канцелярскую папку. Августа Васильевна и Люда Первакова с ними уже не сверяются. И работать могут с закрытыми глазами, вернее, на секунду закрывают глаза перед выходом — лучше видишь в темноте. На каждую перемену — полминуты, пока поворачивается круг сцены. Или просто гаснет свет. Но трудные спектакли почему-то интересное.

Репетиция кончилась, вернулись на свои места алебарды и блюда с «дичью». Потом мы ходили по цеховому складу. Августа Васильевна узнавала изящные гусиные перья, золотой велосипед, закопченные котелки и чайники, ключи на увесистой связке, сердитые портреты... Вдруг представила, как нетерпеливо ждут они третьего звонка, сцены, аплодисментов.

Ю. НЕКРИЧ

4 6 ДЕК 1978

«КУЗНЕЦОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Г. Новокузнецк